
Аркадий ГОНТОВСКИЙ

КОГДА ПОЕТ О ВЕЧНОМ ВЕТЕР

Стихи Аркадия Гонтовского (1959 г. р.), живущего в городе Прокопьевске Кемеровской области, знают не только в Кузбассе. Его поэтические подборки выходили на страницах журналов «Аврора», «Наш современник», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Алтай» и др.

Для Гонтовского характерна тонкая созерцательная лирика, в которой есть что-то старомодное в лучшем смысле этого слова: может, эхо Серебряного века с петербургским акцентом? Может, умелая стилизация? Притягательно особое ощущение автором времени — личного внутреннего времени и того общего внешнего, которое «с тобой ходит об руку / По земле, по воде ли — не нужно венца, / Нужно просто довериться облаку».

Эти монологи с чуть отстраненной спокойной интонацией о том, как «мир хотел быть похожим на сон./ Сон любил этот странный мир». Реальная жизнь не противопоставлена метафизической, той, что «нельзя объяснить, и потрогать,/ И словами сказать на земле», но между ними — слепой пунктир и слепые поводыри, как в «Сказке ветра». Лирический герой Аркадия Гонтовского негромко, но твердо уверяет то ли себя, то ли читателя: «Ведь человеком быть несложно, / Несложно человеком быть».

Галина КЛИМОВА,
редактор поэзии
журнала «Дружба народов»

ВЕЧЕРНИЙ ЧЕЛОВЕК

Сквозная тишина и табурет.
Вечерний человек к окну садится
И слушает, как исчезает свет,
Как исчезают имена и лица;

И тени их становятся водой,
Стекающей по темному оврагу
Пустынных улиц, пахнущих бедой,
Забвением и ржавую бумагой.

Он слушает, он смотрит в никуда,
Забывшийся, облокотясь на локоть,
И только безымянная звезда,
Влюбленная в печаль и одинокость,

Задержит взгляд; почувдится, она,
Познавшая, что все еще бездонней,
Приходит светлой женщиною сна,
Беря его лицо в свои ладони.

И разве важно: проклят иль спасен,
Когда он счастлив долгое мгновенье,
Вечерний человек, простивший все
В единственном прикосновенье.

СКАЗКА ВЕТРА

Мир хотел быть похожим на сон.
Сон любил этот странный мир.
Между ними был горизонт:
Может, миг, может, сотни миль.

Мир искал. Он верил в резон
Точных формул, казалось — вот...
Но там был другой горизонт,
Уходящий за небосвод,

Где в сиянии звездных миль
Спят легенды погасших солнц.
Сон любил этот странный мир,
Заглянувший за горизонт,

И не гасла в ночи свеча
Между ними.
Внезапно, вдруг
Все рассыпалось в мелочах,
Потеряв горизонтов круг.

И остался слепой пунктир,
Где слепые поводыри
Обещали построить мир,
Ослепительный изнутри.

* * *

За грозою шел дождь, как живая вода,
Словно небо на дольки порезали,
И, как зернышко, с неба упала звезда
Тихим светом полночной поэзии.

Дождь искрился во мгле, будто призрачный плащ.
Кто в нем шел, не запомнилось облика,

Только помню слова: если горько, поплачь,
И пойдем погуляем по облаку;

Если сходишь с ума, то сходи до конца,
Пусть пространство с тобой ходит об руку
По земле, по воде ли — не нужно венца,
Нужно просто довериться облаку:

Там в тумане дрожит и рождается свет,
Там сам Бог ворожит над треножником.
И я слушал и верил во весь этот бред,
Уходя в облака вслед за дождиком.

* * *

И снова осень: осень, где всерьез
Дожди порою ссорятся с годами,
Где листопады меркнущих берез
Гадают сны, придуманные нами.

Гадает за окном неверный свет
И позолоты осыпает наземь.
Чарующий осенний бред
Все так же неприкаянно прекрасен.

И так же песни дремлющей земли
Сквозь плен дождя и морок суесловья
Слышны, как волны в сумрачной дали,
Бегущие ночами к изголовью.

* * *

Когда поет о вечном ветер
Над угасающей листвой,
Окликну, осень не ответит,
А я шепчу, шепчу — постой.

Но крылья полнят поднебесье,
И белых птиц прощальный зов
Летит по городам и весям,
Тревожа сон колоколов.

И настоящее все зримей,
Все ощутимей наяву
В краю безрадостных предзимий
Вымарывает синеву.

Постойте, птицы, чуть постоит,
Еще не выплакана синь,
Для сердца горестного спойте
Сермяжную печаль Руси,

Чтоб — в нашем грешном окаянстве
Дойдя до сути, до корней —
Навзрыд заплакало пространство
Над бедной родиной моей.

ЭЛЕГИЯ

1.

Выйти в ночь из прокуренных комнат,
По урочищам сонным брести.
В этих снах отыскать светлый омут,
Пить туманные звезды с горсти́.

Просто быть. Просто слушать, как рошу
Наполняет ласкающий свет,
Как он пробует звуки на ошупь
Серебристою нитью в листве.

2.

Позабыться. И вровень с туманом
По мерцающим в дреме лугам
С белоснежным идти караваном
К очарованным берегам.

Только сны. Только сны и дорога.
Только проблеск чего-то во мгле,
Что нельзя объяснить, и потрогать,
И словами сказать на земле.

3.

Там, где долгого вздоха немая печаль
Поднимается к небу осенней рекой,
Словно кто-то незримый снимает печать,
Отпуская тебя за ожившей строкой;

И живая вода, отразив небеса,
Отворяет пространство пределов Его,
Там светло задрожит в поднебесье слеза
У твоих очарованных берегов.

ПРОХОЖИЙ

Глаза, глаза — чужие тайны,
Осколки радостей и бед,
Но вдруг мелькнет необычайный
Почти забытый тихий свет.

И хочется идти с прохожим,
Глядеть в глаза и говорить.
Ведь человеком быть несложно,
Несложно человеком быть.

Но есть святая осторожность.
О, этот каменный уют.
Нет, человеком быть несложно:
Не подойдут — не предадут.

Надежно замурован стенами,
Горит свеча, едва дыша,
И вспоминая — есть вселенная —
Томится пленница душа.

* * *

Вы музыкой моей не заболейте,
Со мной навек — нельзя наверняка.
Бродягою, играющим на флейте,
Я выступил мечты на сквозняках.

Души своей не выстелю изнанку,
Уже не тот, чтоб всем смертям назло.
Вы видели, как падают подранки,
С обрыва поднимаясь на крыло?

И оглашает клич небесный купол.
В нем зов и боль, но сколько ни зови,
Тот мальчик, что себе придумал кукол
Игрушечных из плоти и крови,

Он вырос. И ушел. О нем ли ветер
Вздыхает на изломах тростника?
Вы музыкой моей не заболейте:
Там за дождями шепчутся снега.

В СЕНТЯБРЕ

Есть на земле одно такое место,
Приходишь, и вдыхаешь эту тишь,

И слушаешь его живую мессу,
И вместе с ним над временем летишь.

Подхватит и влечет все дальше память
К рябиновым проливам сентября:
Касанье губ и нежное цунами.
Я помню всю на выдохе тебя, –

Пожары губ, падение над бездной,
Где в тишине соединенных тел
Восходит солнце...
Есть такое место.
Я рассказать о снах его хотел.

* * *

Прозрачный свет, последнее тепло.
И хочется брести куда не зная,
Глядеть, как, поднимаясь на крыло,
Уходит вдаль над горизонтом стая,

Запоминать деревья и траву,
Ловить их сон и редкий треп сорочий
И снова возвращаться в синеву,
Где исчезает журавлиный росчерк.